

Научная статья

УДК 8-81

doi: 10.17223/19986645/81/4

О символике туч в идиостиле Сергея Есенина (лингвистический аспект)

Иоланта Кур-Кононович¹

¹ *Жешувский университет, Жешув, Польша, jolanta_malgorzata@wp.pl*

Аннотация. Целью статьи является анализ символики туч в идиостиле С. Есенина. Объект изучения – символика субполя «атмосферные явления» в функционально-семантическом поле «природа». Предмет исследования – своеобразие символики туч в художественной картине мира С. Есенина. Метод семантического анализа используется в данном исследовании в сочетании с методом лингвокультурологического описания языкового материала в семантических полях. Применяется также контекстуально-коннотативный метод, необходимый при анализе символики поэтического текста. Материал для анализа – фрагменты поэтических произведений С. Есенина. Результатом исследования являются разнообразные феномены, которые помогают передать лексема «тучи».

Ключевые слова: символика туч, поэзия, семантика, идиостиль, функциональный перенос, метафора, колоратив

Для цитирования: Кур-Кононович И. О символике туч в идиостиле Сергея Есенина (лингвистический аспект) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 81. С. 69–91. doi: 10.17223/19986645/81/4

Original article

doi: 10.17223/19986645/81/4

Symbolism of clouds in the idiostyle of Sergey Yesenin (linguistics aspect)

Jolanta Kur-Kononowicz¹

¹ *University of Rzeszów, Rzeszów, Republic of Poland, jolanta_malgorzata@wp.pl*

Abstract. The aim of the article is to analyze the symbolism of clouds in the idiostyle of Sergey Yesenin. The object of the analysis is the “atmospheric phenomena” symbolism within the semantic field of “nature”. The focus of the research is the specificity of the symbolism of clouds in the linguistic image of the poet’s world. The research methods of semantic analysis and linguistic description are used. The material for the analysis is fragments of poetic texts by Sergey Yesenin. An attempt is made to describe the mechanism of creating a symbolic sense, which is also a metaphorical sense and is based on associative, analogous thinking. The factual material illustrates the role of the semantic phenomenon of the contextual connotation of words (lexemes) in a poetic text. The article shows that the symbolism of clouds in Yesenin reflects certain phenomena, e.g., things (beard, lace), atmospheric

phenomena (rain), place (cornfield), physical phenomena (chill), animals (horse), perception of the world (unhappiness, illusion, mystery), people (believers). The attention was paid to the exceptional transparency of the phenomenon of things (honey, smoke, threshold, blade, beard, lace, lake, torn clothing (outfit)), which create the so-called functional metaphor. The conducted analysis will contribute to the enrichment of knowledge on the creation of a model of mechanisms controlling symbolic-metaphorical (figurative) thinking, as well as to further studies on the functioning mechanism of associative (metaphorical) thinking. A possibility of comparative analysis of clouds symbolism in the idiostyles of other Russian or European poets is suggested.

Keywords: cloud symbolism, poetry, semantics, idiostyle, functional transfer, metaphor, color name

For citation: Kur-Kononowicz, J. (2023) Symbolism of clouds in the idiostyle of Sergey Yesenin (linguistics aspect). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 81. pp. 69–91. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/81/4

Введение

Символика природы в идиостиле С. Есенина имеет важное значение, однако до сих пор в научных исследованиях она не получила должного осмысления. В данной работе будет предпринята попытка описания механизма создания символического смысла, который является одновременно метафорическим и опирается на ассоциативное, аналогичное мышление. На материале ранней лирики поэта мы постараемся проиллюстрировать роль семантического феномена контекстуально-коннотативного соседства слов (лексем) в поэтическом тексте.

Под идиостилем мы понимаем систему принципов моделирования индивидуально-авторской картины мира посредством отбора языковых единиц и образных средств для его выражения, основанного на особенностях сознания языковой личности и её представлениях о действительности [1. С. 79]. Идиостиль, с нашей точки зрения, представляет собой совокупность лингвистического и экстралингвистического аспектов; он может быть определён как творческая индивидуальность автора плюс языковые средства её выражения [1. С. 76].

Современная лингвистическая теория не потеряла интереса к познанию природы символа, при этом не обнаруживается единства в понимании данного феномена. Природу символа в силу его принципиальной многозначности сложно определить однозначно. Функционирование символа обусловлено способностью психики человека отражать мир в виде конвенциональных образов. Символ противопоставлен метафоре как знак тропу. В. Виноградов предлагал введение термина *символ* как определение простейших элементов поэтического языка (излагается по: [2. С. 64]).

В символе остаётся рудимент связи между означающим и означаемым, между планами выражения и содержания [3. С. 160, 366]. Находящийся

между образом и понятием, символ трактуется нами как предмет, восприятие, переживание, ассоциирующиеся с другим понятием, предметом [4. С. 7; 5. С. 58].

Исследователи отмечают, что постепенно развертывающаяся субстанция в лирическом произведении является не повторением предмета, а предметом, обогащенным художественным значением – символом чего-то более широкого [2. С. 40]. Мы исходим из предположения, что основной эстетической конструкцией в поэтических текстах служит именно символическая структура [2. С. 13]. Польские лингвисты полагают, что язык передает мысли, эмоции и намерения посредством системы определённым образом выработанных символов [6. С. 95].

Символ считается одним из наиболее многозначных научных понятий. Дефиниция символа непосредственно связана с семантикой¹. Обращает на себя внимание ёмкость символа, имеющего художественную природу и дающего простор для многообразных интерпретаций [3. С. 103; 7. С. 54]. Символу присуще метафорическое начало², обогащённое замыслом, вовлечённым в смысл. Символы вмещают в себя обширные тексты в свёрнутом виде [3. С. 148; 9. С. 10]. Значение символических знаков зависит от прагматических контекстов их употребления [6. С. 27; 7. С. 61].

Мы исходим из того, что начальным звеном в цепи порождения новых смыслов, как правило, является исходный символ (не обязательно вербальный), к которому постепенно присоединяются новые символические значения. Символ (как и иные тропы) порождает осмысление непредметных состояний через предметно-пластические [2. С. 205]. Это компонент текста, который способен интегрировать смысловую и эмоциональную доминанту текста. Символ считается одним из герменевтических внутри-текстовых механизмов формирования смысла, который и выявляется в процессе интерпретации [9. С. 4, 11]. В широком смысле семантизация символа может означать наделение его в некоем контексте множественностью значений. Представляется, что универсальная схема истолкования символического знака в значительной степени могла бы ускорить появление поэтического словаря символов, который создаётся лингвистами [10. С. 75].

Сегодня представляется актуальным найти наиболее оптимальный с языковедческой точки зрения метод интерпретации символа. В данной статье мы постараемся выявить символические смыслы, которые заданы текстами С. Есенина, на примере лексемы *тучи*. Предмет нашего исследования – индивидуально-авторская символика поэта.

¹ Под значением подразумевается результат конвенционализированного применения определенной языковой формы с целью номинации определенных явлений [6. С. 27].

² Метафорические выражения являются поверхностной и максимально сконденсированной записью процесса метафоризации [8. С. 27].

Нельзя не отметить связи между символом и метафорой, поэтому закономерно, что они нередко рассматриваются исследователями в комплексе в научных работах. Нередко символ является закономерным результатом метафорической эволюции, приобретая при этом по сравнению с метафорой более весомый потенциал. Мы полагаем вслед за Е.А. Барляевой, что метафора является языковой реализацией символа, поэтому генетически выступает по отношению к нему как вторичная [11. С. 161]. Символ может быть метафорическим (метонимическим), в качестве символических могут восприниматься и физические свойства природных явлений.

Понятие «символ» включает в себя образность, смысл и знак (этот последний связан с коммуникацией). Метафора, в свою очередь, содержит в себе только два элемента: образность и смысл (причем первый элемент утрачивается). В лирике образ превращается в текст, «прочитываемый» с помощью системы символов [12. С. 87]. При этом индивидуальность художника проявляется в символическом прочтении несимволического [13. С. 163; 14. С. 61]. В широком смысле семантизация символа может означать наделение его в некоем контексте множественностью значений. Поэтический текст – это такой феномен, который скрывает неисчислимое количество символов [15. С. 13].

Интерпретация метафоры опирается на языковедческие принципы, а внесение в интерпретацию экстралингвистических факторов обуславливает появление символических смыслов. Понимание символа возникает в процессе интерпретации. Структура значения символа в том, что один смысл – прямой, первичный, буквальный – означает одновременно и другой смысл – косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый [16. С. 40; 17. С. 52]. Авторская символика опирается прежде всего на метафоризацию значения в тексте, метафора же может выступать в тексте в символической функции. Семантическая насыщенность символа больше, чем в метафоре, благодаря тому, что простое и переносные значения символа в тексте стихотворения являются равноправными [15. С. 10, 134].

Анализ символики туч в идиостиле Сергея Есенина

К символике, отсылающей к образу туч, поэт обращается в своем творчестве прежде всего в ранний (1914–1915) и революционный (1916–1917) периоды. Для анализа мы отобрали фрагменты следующих стихотворений: *Заглушила засуха засевки* (1914), *Кузнец* (1914), *Марфа Посадница* (1914), *Микола* (1914), *Русь* (1914), *На небесном синем блюде* (1915), *Под красным вязом крыльцо и двор* (1915), *Туча кружево в роще связала* (1915), *То не тучи бродят за овином* (1916), *Тучи с ожерёба* (1916), *Где ты, где ты, отчий дом* (1917), *Отчарь* (1917).

[1] Заглушила засуха засевки¹, Сохнет рожь, и не всходят овсы. На молебн с хоругвями² девки Потащились в комлях³ полосы... **На коне – черной тучице в санках – Билось пламя-шлея... синь⁴ и дрожь.** И кричали парнишки в еланках⁵: „Дождик, дождик, полей нашу рожь!” *Заглушила засуха засевки* (1914) [20. Т. 1 С. 91–92].

Лексема *туча* теряет прямое значение в контексте стихотворения:

черная ‘переполненная дождливыми каплями, оттого – тяжелая, наводящая грусть, траурная’;

в санках ‘смерть – человека, природы’; ‘плавность, скорость движения’; ‘зима’; ‘траур’⁶;

тучица – благодаря суффиксу *-иц(а)* дериват приобретает субъективную оценку, становится окказионализмом в форме *тучица*.

Сначала в ассоциативном поле данного стихотворения восстанавливаются первичные и стандартные, т.е. почерпнутые из языковой картины мира, коннотации. В выражении *черная тучица* метафорическая предикация возникает на основе субъективно-авторского восприятия: *черная* (с качественным пространством X) ‘переполненная дождливыми каплями, оттого – тяжелая, наводящая грусть’, ‘связанная со смертью, траурная’ в связи с образом саней в качестве погребальной повозки.

Далее обратимся к следующему полю ассоциаций, в котором второй компонент метафорической конструкции усиливает неметафорическое пространство действия этого предиката, являющегося одновременно качественным пространством Y. Интерпретация выражения требует отбора

¹ Лексема *засевки* является уменьшительной формой существительного *засев* ‘посев, сев; засеянное поле, то, что посеяно, посеянное зерно, жатва’. По-видимому, поэт использует диалектную лексему *засевка* ‘начало сева’ (костромское); ‘участок засеваемой земли’ (вологодское), во множественном числе *засевки* ‘начало весеннего сева’ (южное, западное, восточное, северное); или подразумевается существительное мужского рода *засев* ‘начало сева’ (смоленское) [18. Т. 11. С. 23].

² Лексема *хоругви* обозначает ‘знак, знамя’, а в стихотворении – ‘принадлежность церковных шестий – укрепленное на длинном древке большое полотенце с изображением святых, Христа’ [19. С. 754].

³ Лексема *комель* ‘нижняя часть сжатого хлеба’ – это сельскохозяйственный термин. Лексема *комли* ‘комья на пашне’ принадлежит к диалектным: рязанским [18. Т. 14. С. 233]. У лексемы *комель* несколько значений в диалектах русского языка, в том числе ‘трость, палка’ (архангельский, рязанский); ‘нижняя часть снопа’ (вологодский, псковский); ‘стебель растения’ (ярославский).

⁴ Лексема *синь* ‘синева, лазурь’ принадлежит к устарелым [19. С. 639].

⁵ Диалектная лексема *еланка* – уменьшительная форма к *елань*, обозначает: ‘ровное, открытое пространство’ в пермских, тюменских говорах, а в тверских, рязанских, тамбовских говорах ‘место, удобное для пастбищ, используемое как пастбище’ [18. Т. 8. С. 336–337].

⁶ Сани у восточных славян считаются одним из древнейших традиционных транспортных средств, при проведении обрядов [21. Т. 4. С. 541]. В древности у целого ряда народов Европы и Сибири сани использовались в качестве повозки или носилок, на которой отвозили, относили к погребению умерших, возможно, и сжигали. Вероятно, это средство для попадания в загробный мир.

из качественного пространства Y стандартного качества, которое можно отнести к прилагательному *черный* и которое одновременно играло бы роль метафорического предиката, содержащегося в слове *тучица* – ‘тяжелая, траурная’.

Благодаря соотнесению тучи и коня с упряжей из пламени (засухи) обнаруживается значение вымоленных сельчанами изменений в природе – переход засушливой поры в дождливую. Образ коня и саней вводит семантику временного пребывания на земле. Как и сани, туча в народном образном мышлении может ассоциироваться со смертью. Символику смерти в образе тучи подтверждает и время года, когда используются сани, т.е. зима как период временной смерти природы. Конь как символ времени сулит быстрые изменения в погоде [4. С. 157].

Появляется также лексема *пламя*, вызывающая ассоциации с предками, душами покойников, а прежде всего с огнем, и в связи с этим усиленная предикатом ‘горячий, засуха’, а также с символическим значением ‘прапринципа’, т.е. необходимости естественных изменений в природе, здесь: в погоде [9. С. 266]. Добавляется и новый смысл: ‘переход засухи в дождливую пору’. В данном контексте пламя сравнивается со шлеей, частью упряжи, которая помогает управлять конем. Жаре приходит конец, что акцентирует предикат *билось* ‘борьба за жизнь, с предзнаменованием поражения’.

Выявляются следующие новые смыслы:

пламя ‘огонь, засуха’;

билось ‘борьба за жизнь, с предзнаменованием неудачи, поражения’;

шлея ‘седлание, управление конем’;

синь и дрожь ‘цвет воды и ее зыбкость’; ‘конец существования жизни, здесь: тучи, которая превращается в дождевые капли’; ‘неизбежные, неотвратимые изменения в природе’;

дрожь ‘конец засухи’.

Туча ассоциируется с неким артефактом (предметом), одновременно воспринимаемым как обыденный и ритуальный.

Лексема *тучи* в данном случае выражает следующие символические значения:

– животные: конь (функциональный перенос);

– последовательность существования: время;

– природные явления: засуха, дождь;

– мировосприятие: естественная изменчивость погоды, жизни; плавность движения;

– удары судьбы: конец, смерть (человека, природы).

[2] Там вдали, за черной тучей, За порогом хмурых дней, Реет солнца блеск могучий Над равнинами полей. *Кузнец* (1914) [22. Т. 4. С. 50].

Лексема *тучи* утрачивает прямое значение вследствие влияния контекста, который поочередно раскрывает следующие смыслы:

там вдали ‘отдаленность’;

черная 'дождевая', 'грозовая', 'тяжелая от насыщенности водяным паром туча'; 'грозящая опасностью' [4. С. 53];

порог хмурых дней 'граница, разделяющая два мира: пасмурный, грустный от солнечного, радостного' [21. Т. 4. С. 173; Т. 1. С. 537];

туча 'хмурые, грустные дни';

реет 'летает плавно, парит' (высок.); 'медленно развевается (только в 3-м лице)';

равнины 'простые, не сложные ситуации';

поле 'широта, простор'.

В выражении *черная туча* содержится метафорический предикат, в функции которого здесь выступает прилагательное *черная* с приписанным ему качественным пространством X 'дождевая, грозящая бедой, неприятностью'. Предикат *черная* открывает семантические пространственные коннотации 'тяжелая от конденсации пара', что контрастирует с ярким солнечным блеском, заливающим простор полей. Черный цвет вводит символику горя, опасности [4. С. 53].

Второй компонент выражения *туча* устанавливает неметафорическую область итерференции (интеракции), являющуюся одновременно качественным пространством Y. Контекстуальное сравнение тучи с порогом выявляет переносное значение лексемы 'граница, разделяющая два мира: пасмурный, облачный, угрюмый от солнечного, радостного' [21. Т. 4. С. 173; Т. 1. С. 537].

В следующем звене семантической цепочки появляется сравнение тучи с хмурыми 'грустными' днями, за которыми наступают радостные, с ярким блеском солнца, заливающим поля. Сама равнинная поверхность земли имеет переносное значение – 'простые, не сложные дни'. За 'видимой, зримой' чернотой обнаруживаем незримое, скрытое, золотое солнце.

Следует обратить внимание на сенсомоторные метафоры, отражающие чувства: холода (идущего от тучи) и тепла (излучаемого солнцем). В стихотворении отражена позитивная символика огня: свет, тепло, источник жизни [21. Т. 3. С. 513].

Поэт отходит от изображения огня как грозной стихии, несущей смерть и уничтожение; такое представление об огне преобладало в народных верованиях. Народная космогония отражает трактовку огня как стихии, которую следует бояться и избегать [21. Т. 3. С. 514]. Первичный символ – огонь в кузнице воспринимается в переносном смысле как солнечный (полезный) жар.

Лексема *тучи* в данном случае позволяет отразить следующие символические значения:

- мировосприятие: мрачность (угрюмость), хмурые, грустные дни;
- вещь: порог;
- физическая величина: рубеж – печали и радости, дождя и солнца; отдаленность (расстояние).

[3] И писал Господь своей верной рабе¹: „**Не гони² метлой тучу вихристу³**; Как московский царь на кровавой гульбе⁴ Продал душу свою антихристу...” (...) **Выше, выше, вихорь, тучи подыми!** Ой ты, Новгород, родимый⁵ наш! *Марфа Посадница* (сентябрь 1914) [20. Т. 1. С. 277–278].

1) Не гони метлой тучу вихристу

Лексема *тучи* теряет прямое значение вследствие влияния контекста:

туча ‘подвижная, перемещающаяся’ и ‘вредоносная; нечистая, демоническая сила’ [21. Т. 1. С. 380], ‘новгородская вольница, разгул, мятеж’;

метла ‘орудие (для отпугивания злых духов)’, ‘на луке седла опричников как знак очищения от скверны, измены’, ‘очистительная сила’.

В выражении *туча вихриста* в процессе метафорического мышления на первом этапе лексема *туча* приобретает самостоятельное значение, и вначале восстанавливается ее первичная коннотация (т.е. почерпнутая из языковой картины мира). На следующем этапе первый компонент выражения *туча* теряет традиционное значение благодаря носителю метафоры. Выбор носителя переносного значения детерминирован его аксиологическим содержанием⁶. Носитель метафорического значения *вихриста* снимает принятую для данного аргумента (туча) стандартную трактовку.

Символическое значение образа отсылает к народным верованиям в то, что туча – это ‘злой ветер’ (вихрь), с его разрушительной силой, вредоносной стихией [21. Т. 1. С. 380]. Таким образом, языковая картина мира помогает восстановить добавочные значения для тучи – ‘неустойчивая, подвижная, перемещающаяся’ и ‘злая, вредоносная, нечистая, демоническая сила’. Туча в стихотворении воплощает сгусток тёмной хаотичной субстанции. Отсюда следует вывод, что изначально данное природное явление было связано для человека с ощущением некой угрозы и чувством опасности.

¹ Выражение *раб божий* ‘христианин; человек вообще (от религиозного представления о полной зависимости человека от Бога)’ считается устарелым [23. Т. 12. С. 7], исходно – ‘сирота’, затем – ‘подневольный работник’. Сама лексема *раба*, имеющая и другие синонимы (прислуга, служанка), отмечена еще в XI в. [24. Т. 21. С. 103].

² Лексема *гонять* ‘много раз посылать с поручениями’ принадлежит к разговорной речи [19. С. 119].

³ Лексема *вихристый* принадлежит к окказионализмам и семантически близка диалектному глаголу *вихриться* ‘скитаться, не имея приюта’; она характерна для воронежских говоров [18. Т. 4. С. 306], а в литературном стиле речи имеет значение ‘кружиться, крутиться вихрем’ [22. Т. 2. С. 403].

⁴ Лексема *гульба* ‘гулянье, кутеж’ принадлежит к разговорной, чаще просторечной речи [19. С. 128].

⁵ Лексема *родимый* ‘родной’ принадлежит к разговорной речи, а также к языку народной поэзии [22. Т. 12. С. 1376].

⁶ В данном случае находит подтверждение теория размытых границ понятия. Мы выбираем те десигнаты, которые более соответствуют коннотативному / контекстуальному содержанию понятия. Размытый характер приписывается также номинации [6. С. 203].

Обращает на себя внимание краткая форма прилагательного *вихриста*, которая обозначает кратковременный (не постоянный) признак – использование разрушительной силы при усмирении стихии (стихийного бунта).

Таким образом, поэт стимулирует творческую активность читателя посредством механизма интерференции. Следующее ассоциативное звено в длинной семантической цепочке возникает благодаря контекстуальному введению образа метлы, которая в народной среде служила для отпугивания злых духов, а у опричников как знак очищения страны от скверны, очистительная сила [21. Т. 1. С. 309].

В поэтическом произведении автор использовал фольклорную песенную традицию в качестве образца (в которой предложения часто начинаются с отрицания (*не гони*) для усиления эмоционального эффекта).

Лексема *тучи* здесь выражает следующие символические значения:

– мировосприятие: вредоносная деятельность; мятеж; смирение стихийных бунтов;

– физическая величина: расстояние;

– удары судьбы: несчастье, беда;

– люди: царские опричники.

2) Выше, выше, вихорь, тучи подыми! Ой ты, Новгород, родимый наш!

Повтор прилагательного в сравнительной степени *выше* используется для выражения экспрессивности ‘размах события, мятеж может стать историческим событием’, что помогает отразить могучую силу стихии. Таким образом, показана разрушительная сила вихря, широко известная в народных верованиях. Поэт опирается на традиционное понимание туч как выражения злой, нечистой силы и виновника несчастья. Тучи здесь символ военных действий, горя, беспокойства и стихийного народного протеста, исторически связанного с мятежным настроением части жителей древнего Новгорода [4. С. 44–45].

Лексема *тучи* предстаёт выразителем следующих символических смыслов:

– удары судьбы: несчастье, беда; война;

– чувства: тяжесть, боль, горе, беспокойство;

– проявление неповиновения: мятеж, бунт.

[4] **Тучка тенью расколола Зеленистый¹ косогор...** Умывается Микола Белой пеной из озер. <...> Ходит странник² по дорогам, Где зовут его в беде, **И с земли гуторит³ с богом В белой туче-бороте.** *Микола* (1913 – август 1914) [20. Т. 1. С. 280].

¹ Лексема *зеленистый* принадлежит к авторским неологизмам. Как нам представляется, суффикс *-ист(ый)* прибавляет семантический оттенок преувеличения, гиперболизации зеленого цвета, обладания чем-то в большом количестве.

² Лексема *странник* ‘богомалец, странствующий по святым местам и живущий милостыней; паломник; идущий на богомолье’ считается устаревшей [23. Т. 14. С. 992].

³ Лексема *гуторить* ‘дружески беседовать, разговаривать между собой, рассказывать что-н.’ принадлежит к диалектным: тульским, смоленским, воронежским, рязанским, пермским и многим другим русским говорам [18. Т. 7. С. 250].

1) Тучка тенью расколола Зеленистый косогор

Лексема *тучи* теряет прямое значение вследствие влияния контекста, который постепенно выявляет смысловые значения текста:

контраст: тучка – зеленистый (уменьшительный -к и увеличительный -ист суффиксы);

тучка ‘маленькая’; ‘незначительность и могущество одновременно’;

расколола ‘расчленила; разделила на куски; перерезала, пересекла’ (персонификация);

тень ‘убежище, приют’ [4. С. 46];

зеленистый ‘цвета молодой сочной травы; бодрящий’.

Символические смыслы раскрываются перифрастически (описательно), постепенно – проективно. Поэт использует прием контрастного изображения маленькой тучки и зеленого (изобиловавшего яркой зеленью) косогора. В переносном значении внимание обращено на возможности маленькой тучки разделить / разрезать (от туч и падает тень на косогор, деля его на светлое и темное пространство). Увеличительный суффикс -ист(ый) (сравни: зеленистый как золотистый) выполняет гиперболическую функцию.

Ощущается любование поэтом Божественным миром природы, в котором *тучка* не сулит непогоду, а лишь создает тень на косогоре. На формирование метафорического значения в значительной степени влияет пейзажная образность, отражающая сенсорные чувства: облегчение от невзгод после длительного путешествия, предчувствие отдыха, покоя.

2) И с земли гуторит с богом В белой туче-бороде

Тучка, находясь высоко в небе, отражает значение ‘близости к Богу’ и наделяется смыслом метафорического пространства – ‘мудростью, достоинством’ [4. С. 31,43], акцентируется и противопоставление земле. Также и борода благодаря сравнению с тучкой принимает значение ‘близости к Богу, мудрости’ [4. С. 31]. В русском фольклоре она выступает в функции постоянного эпитета – атрибута святого и Бога [21. Т. 1. С. 233]. Контекстуальный глагол *гуторить* акцентирует значение дружеского разговора, дружеских отношений с Богом.

Таким образом, наблюдается интерференция смыслов, выявляемая благодаря коннотативно-контекстуальным ассоциациям.

Лексема *туча* теряет прямое значение вследствие влияния контекста, постепенно раскрывающего следующие смыслы:

туча-борода ‘близкая связь с Богом’;

борода ‘мудрость, достоинство’ [4. С. 31];

белая ‘добрая, умудренная’;

гуторит ‘дружески разговаривает’.

Лексема *туча* здесь предстаёт выразителем следующих символических смыслов:

– вещи: лезвие (нож);

– мировосприятие: свежесть, уют, отдых;

– физическое явление: сила;

и во втором фрагменте:

– признак (мужской): борода;

– личности: Бог, святой;

– место: небо;

– мировосприятие: близость к Богу; мудрость.

[5] **Грянул гром**, чашка неба расколота, **Тучи рваные кутают лес**. На подвесках из легкого золота Закачались лампадки небес. *Русь* (1914) [20. Т. 1. С. 284].

Лексема *тучи* теряет прямое значение вследствие влияния контекста, который поочередно вскрывает символический смысл:

кутают ‘забота’; ‘плотно одевают’ [19. С. 278];

кутают лес ‘одевают, окружают заботой после раскатов грома (разрушительной силы, несчастья)’ (олицетворение);

лес ‘укрытие’ [4. С. 189] – двойная защита: ‘укрытие от непогоды; убежище, защита’;

рваные ‘лихая, бедная одежда, имеющая неровные края’;

лес, тучи ‘сила, мощь’, ‘множество’;

лес ‘земля, укрытие, приют’ [4. С. 189];

тучи ‘одежда; множество, мощь’ [4. С. 44; 21. Т. 5. С. 333–335]; ‘беспокойство, горе, холод’.

За счёт значимого контекста и путём нагнетания количества использований лексемы *тучи* возникает многозначность образа, тяготеющего к метафорической ассоциативности. Утрачивается прямое значение: благодаря носителю метафоры *рваные* образ обретает символический смысл ‘лихая, бедная одежда’. Данная аналогия возникает вследствие того, что тучи имеют размытые, нечеткие формы. Дополнительный смысл добавляет концептуальная метафора одежда – туча. В данном случае символ трактуется лишь как разновидность метафоры.

Природа расколота, страдает вместе с человеком, переживает катастрофу. Лес благодаря языковой картине мира, ассоциируется с множеством, так что следующее семантическое звено наглядно показывает силу, мощь туч.

Грозовой пейзаж и рваные тучи являются гиперболизацией беспокойства, знаком вселенской беды. Если лес считать символом земли, укрытия, приюта [4. С. 189], то это приют ненадёжный [4. С. 43]. Если принять, что тучи здесь символизируют горе, то благодаря упомянутой метафоре обнаруживается следующее семантическое звено ‘прекращение беспокойства, заботы (благодаря эпитету *рваные*)’. В этом убеждает последующее сказочное описание красоты послегрозового неба.

Постепенно, в духе сказачного повествования развивается проекция, что типично для русского фольклора. Предшествующая фраза представляет собой картину разрушения мирной деревенской жизни громом войны, треска разбитого стекла (расколотаго неба).

Лексема *тучи* здесь предстаёт выразителем следующих символических смыслов:

- чувство: беспокойство, горе;
- вещи: рваная одежда;
- люди: деревенские жители, ставшие солдатами.
- физическая величина: мощь.

[6] На небесном¹ синем блюде/ **Желтых туч медовый дым.**/ Грезит ночь. Уснули люди. Только я тоской томим... **А из туч глядит**, как капля, Одинокая звезда. *На небесном синем блюде* (1915) [22. Т. 4. С. 21].

Лирический субъект воспринимает себя в неразрывной связи с окружающим его миром. Цветовая характеристика (синий², желтый, цвет ночи³) вводит атмосферу ночного спокойствия, тишины, которые настраивают на размышления, отсылая к покою бесконечности. Тучи не создают в данном случае ощущения драматизма.

Это раннее стихотворение отмечено глубиной размышлений С. Есенина о смысле человеческого бытия. Текст строится на метафорическом переносе названия с одного предмета на другой. Становление ассоциативных процессов происходит многоэтапно. Небо уподобляется домашней утвари – блюду. В стихотворении соотнесены туча и дым, что характерно для фольклорных текстов. Дыму приписывали благотворную силу, но символизировал он и тщету, кратковременность жизни.

Контекстуальный фон выражения *дым туч*, опережающий его, раскрывает ассоциацию туч с дымом, идущим от горячей пищи. В следующем этапе наглядным остается символический смысл пищи, понимаемой как духовная (духовно-сытная) ценность. В этом случае можно трактовать пищу еще как кушанье в ином мире, после воскресения, а дым как дар Богу, например меда, представляющего собой символ Божественной (неземной, небесной) пищи [4. С. 226].

В метафоре *желтых туч медовый дым* постепенно раскрываются новые семантические звенья. Дым появляется двукратно: он непосредственно назван, а также подразумевается как составная часть туч (облаков, неба), т.е. водяной пар, очень напоминающий именно дым. Он символически воспринимается как медиатор, связующее звено между землей и небом, земным и потусторонним мирами [4. С. 79; 21. Т. 2. С. 168].

Образ дыма наделяется символическим смыслом, навеивает воспоминация, а контекстуальное прилагательное (одновременно эпитет) *медовый* отсылает к семантике 'счастливое, приятное воспоминание' за счет символического значения меда 'счастье, «сладость» жизни', 'здоровье' в качестве пищи богов и эликсира жизни [21. Т. 3. С. 209]. Можно также провести параллель с верованиями древних славян, согласно которым, чтобы умиловить тучи, им предлагали в виде угощения хлеб-соль. Семантическая цепочка обогащается также смыслом 'золотое, богатое: воспоминаение, жизнь' в связи с золотом, которое в народной культуре и католиче-

¹ Небесное и Божественное выявляется подобными символами.

² За счет синего цвета появляется ощущение уравновешенности, спокойствия [4. С. 27].

³ Ночь ассоциируется с тишиной, молчанием, таинством [21. Т. 5. С. 214].

ской церкви может заменять желтизна (желтый цвет) [21. Т. 2. С. 202]. Характерна также связь символики золота с «верхним» миром, сферой Божественного, с высшими ценностями и в то же время с «тем светом» [21. Т. 2. С. 352]. В целом можно отметить паритет позитивной и негативной семантики желтого цвета в идиостиле С. Есенина.

Желтый цвет может соотноситься и с общекультурным символом вечности [4. С. 506], что подтверждает значение дыма как пути к избавлению (спасению) [4. С. 79]. В этом контексте тучи могут символизировать и бег времени [4. С. 44]. Синий цвет вечности, бесконечности, горного мира, Божественности преобладает в этой поэтической картине. Цвет приглушает негативную семантику, связанную с образом туч, а медовый сладкий запах и вкус также нивелируют отрицательное их восприятие.

Лексема *тучи* теряет прямое значение вследствие влияния контекста, который постепенно раскрывает символический смысл текста:

мед ‘сладость’ [4. С. 226]; ‘благосостояние, зажиточность, богатство’ [21. Т. 3. С. 208], ‘божественная (неземная, небесная) пища’ [4. С. 226]; ‘счастье, «сладости» жизни»; ‘пища богов и эликсир жизни»; ‘здоровье’ [21. Т. 3. С. 209];

блюдо ‘большая тарелка для подачи кушанья’ или ‘кушанье’;

желтый ‘медовый, золотой’;

дым ‘воспоминание, мечта’; ‘медиатор между землей и небом’ [4. С. 79; 21. Т. 2. С. 168];

тучи ‘горячая, вкусная пища; кушанье’; ‘пища материальная и душевная’;

медовый дым ‘счастливый, благополучный’; ‘счастливое, приятное воспоминание’.

Лексема *тучи* в этом отрывке помогает отразить следующие символические значения:

– вещи: мед, дым; духовная снедь (пища);

– мировосприятие: вечность, ход времени;

– пища (кушанье): духовная. горячая, вкусная;

– чувство: счастье, радость;

– люди/человек: медиатор между землей и небом.

[7] Под красным вязом крыльцо и двор, Луна над крышей как злат бугор. На синих окнах накапан лик¹: **Бредет по туче седой Старик**. Он смуглой горстью меж тихих древ Бросает звезды – озимый сев. **Взрастает нива**, и зерна душ Со звоном неба спадают в глушь. *Под красным вязом крыльцо и двор* (1915) [20. Т. 1. С. 110]

Лексема *тучи*, как и в предыдущих примерах, теряет прямое значение вследствие влияния контекста, который последовательно раскрывает символические смыслы:

туча ‘почва, нива’; ‘души верующих’;

бредет ‘идет с трудом или тихо’.

¹ Лексема *лик* ‘лицо’ или ‘собрание, сонм (святых, ангелов, духов и т.п.)’ принадлежит к устаревшим, поэтическим [23. Т. 6. С. 218–219].

Лексема *туча* в контексте предиката *бредет* теряет первоначальное значение и приобретает переносный смысл ‘почва, нива’ и далее: ‘души верующих’. Эти образы предшествуют появлению ипостаси Старика¹. Бугор этимологически обозначает ‘горб, изогнутость, кривой, изогнутый’ [25. Т. 1. С. 228], что семантически и символически связано с человеком в пожилом возрасте; здесь под образом Старика подразумевается Господь. Предикат *злат* добавляет значение ‘красивый, сияющий, Божий’. В этом контексте цветовой эпитет *седой* раскрывает символический смысл мудрости.

В анализируемом фрагменте обнаруживается народное видение мира в его взаимосвязи с христианской религией, для которой характерно обращение к установленному порядку вещей, мира, ходу событий.

Лексема *тучи* в этом отрывке помогает отразить следующие символические значения:

- место: почва; нива;
- мировосприятие: надежность, постоянство;
- люди: верующие.

[8] **Туча кружево в роще связала**, Закурился пахучий туман. Еду грязной дорогой с вокзала Вдалеке от родимых полян. *Туча кружево в роще связала* (1915) [20. Т. 1. С. 70].

Лексема *тучи* теряет прямое значение вследствие влияния контекста, который постепенно выявляет символический смысл текста:

- кружево ‘витиеватость, воздушность, красота’;
- роща ‘родина, земля’ (олицетворение);
- кружево ‘сплетенное женщиной’, ‘замысловатый узор’;
- пахучий туман ‘приятное воспоминание’;
- закурился ‘воспоминание’;
- туман, дым ‘воспоминание’.

Олицетворение туч наступает благодаря предикату *связала* (кружево). Лексема *туча* теряет свое первоначальное значение и получает символический смысл ‘плетущая кружева женщина; кружево – красота, воздушность’. Носитель переносного значения – *кружево* раскрывает новое семантическое звено: ‘красота родного пейзажа’. Небо над рощей активизирует и положительную символику страны (лес – родная земля) [4. С. 189].

Лексема *тучи* в этом фрагменте текста помогает отразить следующие символические значения:

- мировосприятие: красота;
- вещи (узор): кружево; дым;
- человек: кружевница;
- явление природы: туман.

¹ Можно отметить параллель со стихотворением С. Есенина *По тучам иду, как по ниве, я...*, в котором по туче перемещается не Старик, а уже лирический субъект.

[9] **То не тучи бродят за овином И не холод.** Замесила Божья Матерь сыну Колоб¹.

Всякой снадобью² она поила жито В масле. Испекла и положила тихо В ясли. <...> „Жутко им меж темных Перелесиц³, Назвала я этот колоб – Месяц”. *То не тучи бродят за овином* (1916) [20. Т. 1. С. 129].

Лексема *тучи* теряет прямое значение под влиянием контекста, который постепенно выявляет символические смыслы:

тучи ‘беспокойство, движение, замешательство’, ‘холод’;

тучи за овином ‘предвестник голода’;

бродят ‘беспокойство, замешательство’ (олицетворение); ‘медленно, в разных направлениях’;

овин ‘множество снопов, обилие еды, достаток, спокойствие’ [4. С. 43].

Лексема *тучи* теряет первоначальное значение. Благодаря предикату *бродят* и наречию места *за овином* появляются семантические звенья ‘беспокойство, движение, замешательство’. За счет отрицания *и не холод* тучи сравниваются с миром холода. Обе лексемы получают переносное значение. Движение туч по небу опосредственно сопоставляется с трудом Божьей Матери, вымесившей сыну ритуальный хлеб во время Великого поста. Стихотворение написано в духе фольклорных песенных текстов, в которых широко используется отрицание *не*.

Лексема *тучи* здесь представляется выразителем следующих символических смыслов:

– мировосприятие: беспокойство (забота об урожае); нехватка (хлеба), покровительство Божьей Матери;

– физические явления: холод.

[10] **Тучи с ожерёба⁴ Ржут, как сто кобыл.** Плещет надо мною Пламя красных крыл. <...> Верю: завтра рано, Чуть забрезжит свет, Новый под туманом Вспыхнет Назарет. *Тучи с ожерёба* (1916) [20. Т. 1. С. 123].

Параллель между конём и тучей связана с общим для них представлением о стремительности, скорости, динамичности. Уже в начальной строке можно отметить соединение зооморфной метафоры и сравнения, их наложение на парафразу. Образ ожеребившейся кобылы противопоставлен грозовой туче. Значимую роль в стихотворении играют и контекстные противопоставления.

¹ Лексема *колоб* ‘небольшой круглый хлебец’ является устаревшей, ритуальной едой [23. Т. 5. С. 1168–1169].

² Существительное *снадобье* ‘лекарство, обычно приготовленное из различных целебных трав и веществ’ считается устаревшим, характерным для разговорного стиля речи [23. Т. 13. С. 1462].

³ Лексема *перелесица* соответствует лексеме *перелесок* ‘лесной массив, пересекаемый дорогой’ и принадлежит к диалектным: тверской, новгородский [18. Т. 26. С. 141].

⁴ Лексема *ожерёбая* (*жеребая*) ‘ожеребившаяся (о лошади)’ принадлежит к диалектным: псковский, тверской [18. Т. 23. С. 76]. Саму лексему *ожерёб* надо считать авторским неологизмом, т.е. окказионализмом.

Постепенно раскрывается семантическая цепь: тучи – жеребята – отвага – гром революционных перемен. На первом этапе происходит олицетворение из-за сравнения туч с только что ожеребившимися жеребятами. Следующее семантическое звено в смысловой цепочке появляется за счет предиката *ржут* ‘отвага, отважно’ и наречия образа действия *как сто кобыл* ‘громко’. Последующий контекст локализует ситуацию на фоне бурных, революционных событий.

На втором этапе интерпретации символического смысла появляется переносное значение образа коня (жеребят, кобыл), связанное с ‘ходом времени’ [4. С. 157]. В тексте, таким образом, большое значение отведено сравнениям, олицетворению (тучи ржут, как сто кобыл).

Лексема *тучи* теряет прямое значение вследствие влияния контекста, который постепенно выявляет смыслы, заложенные в этой маленькой поэме:

- тучи ‘беспокойство, волнение, возбуждение; гроза’;
- табуны жеребят, кобыл ‘олицетворение войн, революции’ [4. С. 43];
- ржут ‘интенсивно, долго, громко; звук может сообщать о тревоге, ржание как самый долгий среди лошадиных звуков’; ‘гром социальных потрясений’;
- как сто кобыл ‘громко, отчаянно’;
- сто ‘усиление звука’;
- кони (кобылы) ‘время’ [4. С. 157].

Важной деталью поэтического образа является число *сто*, соотносящееся с понятием множества [4. С. 44]. Особый семантический оттенок возникает за счет глагола *ржут* ‘громко кричат’, передающего значение усиленной звучности и шума. Тучи в тексте являются воплощением социальной бури, таких событий, как война, революция, что особенно подчеркивает начало и конец поэмы [4. С. 43]. Данное значение ассоциируется с беспокойством, волнением, которые вызывает постоянное движение туч по небу.

Лексема *тучи* в этом отрывке помогает отразить следующие символические значения:

- животные: жеребята, кобылы;
- физическое явление: время;
- количество: множество;
- мировосприятие: беспокойство, волнение;
- исторические события: война, революция.

[11] Где ты, где ты, отчий дом, Гревший спину под бугром? Синий, синий мой цветок, Неприхоженный¹ песок. Где ты, где ты, отчий дом? <...>

¹ Лексема *неприхоженный* принадлежит к окказионализмам. Она семантически противопоставляется слову *прихоженье* ‘приход, прибытие куда-л.’, принадлежащему к диалектным: архангельское, ярославское [18. Т. 32. С. 50]. Возможно, однако, что лексема семантически близка церковному определению *приход* ‘низшая церковная организация в христианской церкви; местность, где живут члены этой организации’ [23. Т. 11. С. 848].

Этот дождик с сонмом¹ стрел В тучах дом мой завертел², Синий подкосил цветок, Золотой примял песок. **Этот дождик с сонмом стрел. Где ты, где ты, отчий дом** (1917) [20. Т. 1. С. 132].

Лексема *тучи* теряет прямое значение вследствие влияния контекста, который постепенно раскрывает символический смысл текста:

завертел ‘закружил, спрятал, подействовал деструктивно, разрушительно’, ‘прикрыл, спрятал’, ‘поглотил всецело’, ‘эффективно скрыл’;

дождик с сонмом стрел ‘мелкий дождь из низких туч’, ‘необыкновенная, волшебная, неземная сила’;

с сонмом стрел ‘множество, большое количество’;

тучи ‘непроницаемый занавес’, ‘скрывающие что-либо дорогое сердцу’; в тучах ‘далеко, на большом расстоянии’.

Благодаря предикату *завертел* ‘закружил, спрятал, подействовал деструктивно, разрушительно’, ‘поглотил всецело’ (а также *подкосил, примял*) тучи показаны как вместилище разрушительного дождя. Отрицательный субъект действия (деструктивный дождик с сонмом стрел) и самое действие придают образам туч отрицательное значение ‘скрывающие что-нибудь хорошее, дорогое сердцу’. Тучи приобретают символический смысл непроницаемого занавеса. Предикативное определение *с сонмом* утверждает в символическом смысле дома, понимаемого как родина.

Тучи здесь символизируют удаленность, отдаленность, расстояние, отвлеченность, место, невидимое для посторонних [4. С. 44]. С тучами семантически связан дождик, и потому наблюдается перенос значения этого слова именно на тучи. Благодаря сравнению капель дождя с множеством стрел появляется символика завесы, сокрытия дорогого сердцу, памяти о детстве, местах, которые с ним связаны. Тучи как множество мельчайших капелек влаги, увеличиваясь, образуют дождевые капли, символизируют смятение. Дождь в этом случае ассоциируется с печалью, выступает ее заместителем [4. С. 69]. В данном стихотворении символика тучи наиболее традиционна, так как связана с дождем, который *завертел* домом лирического «я». Дом может обозначать безопасность, гармонию [4. С. 69].

Лексема *тучи* в этом фрагменте текста позволяет выявить следующие символические значения:

– мировосприятие: уродливость, нищета; иллюзия; отвлечённость; смятение;

– явление природы: дождь;

– физическая мера: расстояние, отдаленность;

– место: «сокровищница» злого (дождя, несчастья);

– вещи: занавес;

¹ Лексема *сонм* ‘большое количество кого, чего-л.’ считается устаревшей (старше соответствующих семантических эквивалентов (синонимов) – множество, масса). Слово *сонм* известно с XI века [24. Т. 25. С. 251].

² Лексема *завертеть* имеет значения: ‘увлечь за собой, закунуть, захватить всецело’ (разг.) [19. С. 177]; ‘закружить что-л.’ [23. Т. 4. С. 283].

– мировосприятие: смятение; грусть;

– явление природы: дождь; гроза.

[12] **Тучи – как озера, / Месяц – рыжий гусь**, Пляшет перед взором Буйственная¹ Русь. *Отчарь*² (1917) [20. Т. 1. С. 297].

Лексема *тучи* теряет прямое значение вследствие влияния контекста, в котором выявляется символический смысл текста:

тучи ‘громадные’, ‘исцеление, воскресение’ [4. С. 475], ‘революционное пространство’, ‘место для революции, кровавых происшествий’, ‘мужество, гнев’;

обновленный ‘освященный, прошедший обряд очищения’;

рыжий ‘беспокойство, энергия, мужество, гнев’ [4. С. 55];

гусь ‘возрождение’, ‘демонические свойства, демоническая, возрождающая сила’ [4. С. 95];

пляшет ‘возрождение’ [4. С. 421];

буйственная ‘бунтарская, мятежная, авантюрная, бушующая’.

Символическое значение раскрывается поэтапно. В первую очередь заметным становится образ революционного мятежа в виде рыжего гуся. В фольклоре гусь может наделяться демоническими свойствами. Верили, что нечистая, демоническая сила может принимать образ этой птицы. По кашубским преданиям, ведьма плавает по воде в виде гуся [21. Т. 1. С. 573–574]. Гиперболизация мятежного настроения народных масс усилена интенсивным рыжим цветом, который вводит символику беспокойства, энергии, а также гнева, неотрывно сопутствующих революции [4. С. 55]. В таком случае тучи могут обозначать армию, воинов [4. С. 43].

В тексте дан символический образ возрождения. Сравнение туч с озером активизирует символику воды, т.е. исцеление (излечение), возрождение духа и тела, воскресение [4. С. 475]. Глагол *пляшет* способствует гиперболизации возрождения, символом которого становится пляска [4. С. 421].

Лексема *тучи* предстаёт выразителем следующих символических смыслов:

– мировосприятие: исцеление, возрождение (духа и тела);

– события: кровавые происшествия;

– природные явления: озеро;

– место: страна, где происходит революция, кровавые перемены;

¹ Лексема *буйственный* – устаревшая, производная от разговорных лексем *буйство* ‘буйное поведение, бесчинство’ и *буйствовать* ‘производить буйство, бесчинствовать’ [23. Т. 1. С. 674].

² Лексема *отчарь* принадлежит к окказионализмам. Вероятнее всего, представляет собой новообразование С. Есенина, обозначая имя собственное, созданное от нарицательного существительного *отец*. Допустима также этимологическая интерпретация заглавия поэтического произведения от тверского диалектизма *отчарь* ‘смелый, дерзкий, отчаянный’, которая, в свою очередь, соответствует описанию революции [18. Т. 24. С. 361]. В поэтическом тексте соотносится со словом *мужик* в значении ‘крестьянин’, по-видимому, подчеркивает крестьянские корни лирического субъекта. По сути, в поэме воссоздается обобщенный образ крестьянина.

- чувства: гнев, мужество;
- люди: армия, воины.

Результаты исследования

Таким образом, проанализировав символику туч в ранних поэтических текстах Сергея Есенина, мы пришли к выводу, что в вербализации представлений поэта о данном атмосферном явлении воплотились как дохристианские, так и христианские символы, навеянные славянской мифологией, обрядовыми действиями, книжными ассоциациями. Наделяя слова символическим значением, поэт обогащает их смысл, несводимый к однозначному толкованию: упоминание туч в его лирике редко является вербальным выражением метеорологических наблюдений, чаще оно создает определённый эмоциональный настрой грусти, печали, тревоги, мрачных предчувствий. Появление того или иного символа опирается на культурную, фольклорную, литературную традицию, ассоциации самого С. Есенина. Данные смысловые параллели приводят к закреплению символического значения. Поэт исходит из прямого значения, усложняя и обогащая его, появившееся переносное значение возводит образ на совершенно иной уровень, акцентируя индивидуальный авторский характер символа.

Символика туч в рассмотренных нами примерах отсылает к следующим значениям: туча чёрная (2) – ассоциация чёрного цвета и ночи с преобладанием аспекта мрака, угрозы, несчастья предзнаменования: белая (1), т.е. соотнесённая с мистическим видением, а также сединой, умудрённостью жизненным опытом; жёлтая (1) – цвета осеннего увядания, чего-то мутного, дымчатости; вихристая (1) – символизирует вселенскую эволюцию, войну, мятеж, бунт, революцию, восстание, с которыми у поэта уживаются смирение, примирение с жизнью; рваная (1) – относятся к переменам в природе, в символическом плане знаменующим злое события (начало войны); туча-борода – знак мудрости Миколая Угодника, который у С. Есенина выведен в образе странствующего с котомкой и с посохом путника; туча-санки (1) – концептуальная метафора, связанная с бытовой утварью – саями, акцентирующая обрядовую функцию; туча-кружевница – воплощает женское начало, символически связывая нити, слова, создающие вечно меняющийся узор-смысл, одновременно это некая пелена, сквозь которую просвечивает преображенный воображением природный мир; туча-кобыла (1) – соотносится с зооморфными представлениями туч в виде стада домашних животных¹, которые могут обладать охранительной силой, кобылы с жеребятами здесь символизируют идею плодородия, изобилия на земле, ржание коней сблизается с раскатами грома; туча-сокрытие, туча-тень и туча-даль небес (3) – все эти образы связаны с

¹ Ср.: есенинское: *Над тучами, как корова, Хвост задрала заря* в цикле *Преображение*. В *Песне о Евпатии Коловрате* у поэта звёзды шепчут месяцу, называя его жёлтым ягнёнком, чтобы он перестал бодаться с тучами.

представлением о том, что, сгущаясь над землей, тучи затемняют солнце, луну, звезды; тучи-озёра, тучи на синем блюде неба (2) – близки в переносном значении к предыдущим концептам, символически запечатлевают природные явления, где тучи соотношены с некой поверхностью, вместилищем, покрытием типа пелены ковра, скатерти, одеяла.

Следовательно, семантика дождевых или грозовых облаков – туч, отображенных в поэтических текстах С. Есенина, связана с природными, атмосферными явлениями (нередко трактуемыми символически)¹; знаменует собой предвестие несчастий, выступая знаком разрушительных сил, отсылая к прошлому страны; проявляется в отношении к значимым переменам в жизни родной сердцу патриархальной деревни, которые продиктованы войной, революцией; соотносится с крестьянским бытом и занятиями деревенских жителей. В связи с тем, что цвет – это древнейший символ, чаще иных символических признаков выступает у поэта цветообозначение туч, переданное с помощью колоративов – слов или словосочетаний, номинирующих цвет. К числу продуктивных в рассмотренных текстах можно отнести и артефактную модель обозначения небесных и атмосферных явлений, в частности туч, основанную на пространственном сходстве различных реалий.

Семантика рассматриваемого атмосферного явления в поэтическом дискурсе выдающегося русского поэта С. Есенина носит амбивалентный характер, для нее характерны эмоциональность и экспрессивность: тучи – то дарители жизни, то губительное, опасное для человека начало. Продолжением данного исследования, по нашему мнению, может быть выявление символики туч в зрелой лирике С. Есенина, а также сопоставление концепта тучи в наследии автора *Радуницы* с тем же символическим концептом в творчестве русских и европейских поэтов.

В данной статье была предпринята попытка осветить один из интенсивно разрабатываемых в современной лингвистике аспектов – проблему символа как индивидуально-авторского тропа в ранней лирике С. Есенина. Проведённый анализ был продиктован отсутствием работ на интересующую нас тему. Сложность вопроса о символе в том, что у большинства поэтов было своё представление о символе, а также в неисчерпаемости поэтических смыслов. При этом именно символ способствует адекватному проникновению в суть семантических процессов.

Мы сконцентрировали внимание на выраженности символа в лирических текстах лингвистическими средствами. В результате этого мы пришли к выводу, что осмысление поэтом мира было органично связано с народной стихией, мифологией, фольклором, национальной русской культурой. Хотя становление С. Есенина происходило в постсимволистскую эпоху, его поэтика формировалась под воздействием стихотворных экспе-

¹ Тучи появляются в ранних текстах С. Есенина на ночном небе, в соседстве звёзд и месяца или в пасмурную погоду, во время грозы.

риментов младосимволистов, что отразилось на близости их формотворческого поиска.

У автора *Радунцы* символ используется для обозначения абстрактной идеи, выступает изобразительно-выразительным средством. В его ранней лирике символ образован на метафорической основе. Выразительность символов нередко подчёркивает локализация одних и тех же символических значений, но выраженных разными средствами.

Рассмотрев интересующие нас аспекты ранних поэтических текстов С. Есенина, мы можем отметить, что в них имеет место становление и углубление его поэтической символики, интегрирующий характер символа. Постепенно символ в его лирике обрывает новыми смыслами, соединяя переживания поэта и образы природы.

Список источников

1. *Старкова Е.В.* Проблемы понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филологические науки. 2015. № 5. С. 75–81.
2. *Поляков М.Я.* Вопросы поэтики и художественной семантики. М. : Сов. писатель, 1978. 448 с.
3. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. М. : Языки русской культуры, 1999. 464 с.
4. *Kopaliński W.* Słownik symboli. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1990. 512 s.
5. *Ricoeur P.* Egzystencja i hermeneutyka. Rozprawy o metodzie. Warszawa : Instytut Wydawniczy PAX, 1985. 384 s.
6. *Kikiewicz A.* Znaczenie w języku – znaczenie w umyśle. Krytyczna analiza współczesnych teorii semantyki lingwistycznej. Olsztyn : Centrum Badań Europy Wschodniej UWM (Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego) w Olsztynie. 2012. 298 s.
7. *Кузьмина Н.А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург : Из-во Урал. гос. ун-та ; Омск : Ом. гос. ун-т, 1999. 268 с.
8. *Szumski D.* Na tropach tropu: rozważania o metaforze poetyckiej // Językowy obraz świata a kultura. red. A. Dąbrowska, J. Anusiewicz (seria Język a kultura, t. XIII, Acta Universitatis Wratislaviensis). 2000. № 2228. S. 161–168.
9. *Добрынина М.В.* Роль символа в освоении смысловой структуры художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. С. 1–19.
10. *Маслова В.А.* Филологический анализ поэтического текста. М. : Юрайт, 2019. 179 с.
11. *Барляева Е.А.* Метафора как реализация символа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 3, ч. 2. С. 161–167.
12. *Арутюнова Н.Д.* Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // Филологические исследования: Памяти академика Г.В. Степанова. М. ; Л. : Наука, 1990. С. 71–88.
13. *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М. : Высшая школа, 1990. 344 с.
14. *Москвин В.П.* Русская метафора: Очерк семиотической теории. М. : Ленанд, 2006. 184 с.
15. *Шелесток Е.В.* Семантика художественного образа и символа (на материале англоязычной поэзии XX века) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 209 с.
16. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М. : Академический Проект, 2008. 695 с.
17. *Веракса А.Н.* Символ и знак: диалектика символического познания // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 51–58.

18. *Словарь русских народных говоров*. Т. 1–... М. : АН СССР; Институт русского языка ; Л. : Наука, 1965–...
19. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1984. 816 с.
20. *Есенин С.А.* Собрание сочинений : в 3 т. М. : Правда, 1977.
21. *Толстой Н.И.* Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. М. : Международные отношения, 1995–2012.
22. *Есенин С.А.* Собрание сочинений : в 6 т. М. : Наука, 1978.
23. *Чернышев В.И.* Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965.
24. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М. : Наука, 1975–...
25. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М. : Прогресс, 1986–1987.

References

1. Starkova, E.V. (2015) Problemy ponimaniya fenomena idiostilya v lingvisticheskikh issledovaniyakh [Problems of understanding the phenomenon of idiostyle in linguistic research]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 5. pp. 75–81.
2. Polyakov, M.Ya. (1978) *Voprosy poetiki i khudozhestvennoy semantiki* [Questions of Poetics and Artistic Semantics]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
3. Lotman, Yu.M. (1999) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek–Tekst–Semiosfera–Istoriya* [Inside the Thinking Worlds. Man–Text–Semiosphere–History]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
4. Kopaliński, W. (1990) *Słownik symboli*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
5. Ricoeur, P. (1985) *Egzystencja i hermeneutyka. Rozprawy o metodzie*. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX.
6. Kiklewicz, A. (2012) *Znaczenie w języku – znaczenie w umyśle. Krytyczna analiza współczesnych teorii semantyki lingwistycznej*. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej UWM (Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego) w Olsztynie.
7. Kuz'mina, H.A. (1999) *Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and Its Role in the Evolution of Poetic Language]. Yekaterinburg: Ural State University; Omsk: Omsk State University.
8. Szumska, D. (2000) Na tropach tropu: rozważania o metaforze poetyckiej. *Acta Universitatis Wratislaviensis. Seria Język a kultura*. 2228 (18). pp. 161–168.
9. Dobrynina, M.V. (2005) *Rol' simvola v osvoenii smyslovoj struktury khudozhestvennogo teksta* [The role of the symbol in the development of the semantic structure of a literary text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver: Tver State University. pp. 1–19.
10. Maslova, V.A. (2019) *Filologicheskii analiz poeticheskogo teksta* [Philological Analysis of the Poetic Text]. Moscow: Yurayt.
11. Barlyaeva, E.A. (2008) Metafora kak realizatsiya simvola [Metaphor as a realization of a symbol]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 2008. 3. Part II. pp. 161–167.
12. Arutyunova, N.D. (1990) *Obraz, metafora, simbol v kontekste zhizni i kul'tury* [Image, metaphor, symbol in the context of life and culture]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Filologicheskie issledovaniya. Pamyati akademika G.V. Stepanova* [Philological research. In memory of academician G.V. Stepanova]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 71–88.
13. Potebnya, A.A. (1990) *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical Poetics]. Moscow: Vysshaya shkola.
14. Moskvina, V.P. (2006) *Russkaya metafora. Ocherk semioticheskoy teorii* [Russian Metaphor. Essay on semiotic theory]. Moscow: Lenand.

15. Shelestyuk, E.V. (1998) *Semantika khudozhestvennogo obraza i simvola (na materiale angloyazychnoy poezii XX veka)* [Semantics of the artistic image and symbol (based on the English-language poetry of the 20th century)]. Philology Cand. Diss. Moscow.

16. Ricoeur, P. (2008) *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germeneytike* [Conflict of Interpretations. Essays on hermeneutics]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii Proekt.

17. Veraksa, A.N. (2016) Simvol i znak: dialektika simvolicheskogo poznaniya [Symbol and sign: dialectics of symbolic knowledge]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 51–58.

18. Filin, F.P. et al. (eds) (1965–cont.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow: IRL USSR AS; Leningrad: Nauka.

19. Ozhegov, S.I. (1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.

20. Esenin, S.A. (1977) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Pravda.

21. Tolstoy, N.I. (1995–2012) *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Muzhdunarodnye otnosheniya.

22. Esenin, S.A. (1978) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Nauka.

23. Chernyshev, V.I. (1950–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

24. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975–cont.) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th Centuries]. Moscow: Nauka.

25. Vasmer, M. (1986–1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–4. Moscow: Progress.

Информация об авторе:

Кур-Кононович И. – канд. филол. наук, адъюнкт кафедры русистики в Институте нефилологии Жешувского университета (Жешув, Польша). E-mail: jolanta_malgorzata@wp.pl

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

J. Kur-Kononowicz, associate professor at the Department of Russian at the Institute of Modern Languages at the University of Rzeszów (Rzeszów, Poland). E-mail: jolanta_malgorzata@wp.pl

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.03.2021;
одобрена после рецензирования 24.08.2022; принята к публикации 12.01.2023.*

*The article was submitted 16.03.2021;
approved after reviewing 24.08.2022; accepted for publication 12.01.2023.*